

Люди и нравы за полвѣка.

VI¹⁾.

никакъ не подозрѣвалъ того обстоятельства, что главный бѣсенокъ, поселившійся во мнѣ, былъ бѣсенокъ театраль-
ный.

Онъ отлично спалъ въ своемъ безплотномъ помеще-
ніи и ничуть меня не беспокоилъ. Но это было только
до той поры, пока случай не свелъ меня съ міромъ артистовъ.

Началось это слѣдующимъ образомъ.

Въ томъ флигелѣ, въ которомъ жили мы, но во второмъ этажѣ, какъ
разъ надъ нами, помещалась фотографія К.; К. былъ очень милый
и любезный нѣмецъ. Онъ былъ женатъ на Блезе, одинъ братъ
которой былъ извѣстный въ то время портной и имѣлъ магазинъ
на Маросѣйкѣ, а два брата—музыканты и служили въ оркестрѣ
Малаго театра, одинъ дирижеромъ, а другой игралъ на флейтѣ.
Племянникъ ихъ, молодой еще человекъ, тоже игралъ на кларнетѣ
въ Маломъ театрѣ. И вотъ онъ-то именно и былъ тѣмъ лицомъ,
которому суждено было раздуть едва тлѣвшійся во мнѣ подъ пе-
пломъ огонекъ любви къ театру.

Всѣ эти милые, добродушные нѣмчики удивительно располагали
къ себѣ. Лѣтомъ всѣ они вмѣстѣ жили на дачѣ, кажется, въ Бого-
родскомъ; ловили рыбу, пили пиво, курили по сотнѣ въ день папи-
росъ-пушекъ и отдыхали на лонѣ природы.

Спектакли въ Маломъ театрѣ шли тогда и лѣтомъ, по два раза
въ недѣлю, а потому и театральные музыканты съѣзжались съ дачи

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

и часто бывали у К., но чаще всѣхъ бывалъ, а иногда и ночевалъ холостякъ Александръ Ивановичъ (кларнетистъ). Не то, чтобы мы съ нимъ сошлись особенно близко (ему все-таки было лѣтъ подъ 30, а мнѣ 16), но симпатизировали другъ другу—несомнѣнно.

И вотъ онъ мнѣ предложилъ ходить съ нимъ въ театръ, въ оркестръ; для этого требовалось имѣть непременно темную пару платья и бѣлый галстухъ. И то и другое у меня было, и, конечно, я особенно былъ благодаренъ ему за его предложеніе. Спектакли начинались тогда въ 7 часовъ. Въ назначенный день я въ седьмомъ часу отправляюсь къ дверямъ Малаго театра, читаю афишу. Шла пьеса „Ребенокъ“, кажется, Боборыкина. Несмотря на лѣтнее время, участвовали лучшіе артисты театра: Шумскій, Самаринъ, Васильева, Ѳедотова, Вильде. Тогда Ѳедотова еще носила фамилію Ѳедотовой-Позняковой.

Болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. И содержаніе пьесы, и игра первоклассныхъ артистовъ, и обстановка—все испарилось изъ моей памяти, но „Ребенокъ“ Ѳедотова, какъ живая, стоитъ передо мной. Она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе своей игрой, что я навзрыдъ плакалъ, сидя въ оркестръ. Бѣдный Алекс. Ивановичъ не зналъ, что со мной дѣлать, куда дѣваться отъ этого скандала. Спасибо публики-то по лѣтнему времени было маловато, да и начальство отсутствовало. Только это и спасло, а то въ пору было выводить меня вонъ.

Но... ахъ, какія это были хорошія слезы! До сихъ поръ я чловѣкъ впечатлительный, но сильное впечатлѣніе производитъ на меня только что-либо исключительное, выдающееся, безусловно правдивое...

Съ этого же вечера у меня появился божокъ, которому я поклонялся и поклоняюсь до сего времени—это Гликерія Николаевна Ѳедотова.

Нѣкоторые считали въ ней недостаткомъ вѣчно ноющій ея голосъ. Я этого не находилъ. Не находилъ потому, что въ тѣхъ роляхъ, гдѣ нужно было ныть, она и ныла; а гдѣ этого не требовалось, такъ и нытья никакого не было.

Да развѣ есть у ней какое-нибудь нытье въ „Василисѣ Мелентьевой“? Развѣ ныла Ѳедотова въ „Бѣшенныхъ деньгахъ“? Никогда.

А симпатичнѣйшій голосъ ея, проникавшій до глубины души? Нѣтъ, въ моихъ глазахъ она была величайшая артистка, и никакія театральныя рецензіи, выдвигавшія впоследствии на первый планъ соперницъ Ѳедотовой, никогда не могли поколебать разъ сложившагося во мнѣ убѣжденія.

Поколебала его восемь—десять лѣтъ тому назадъ сама Ѳедотова...

Приѣхала она съ какимъ-то провинціальнымъ актеромъ Вишневымъ, любителемъ древностей, къ намъ на гастроли...

Въ первый спектакль шла „Преступница“, и я видѣлъ ту же великую Ѳедотову. На второй спектакль поставлена была „Василиса Мелентьева“. Я помнилъ Ѳедотову въ этой роли въ теченіе по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ.

И вотъ, въ душѣ у меня родилось невольное сомнѣніе: можетъ ли она быть тою же Василисой?..

Разстаться, вытравить, такъ сказать, впечатлѣніе шестидесятихъ годовъ я не могъ, и потому забралъ съ собой жену и отправился на „Василису Мелентьеву“.

Увы! какъ сразу грохнулась въ моихъ глазахъ бѣдная Гликерія Николаевна!

Какъ живая, стояла она предо мной въ сценѣ встрѣчи съ Грознымъ, кинутый ею на него взглядъ; въ сценѣ съ сѣнной дѣвушкой, когда Маша входитъ въ комнату Василисы и видитъ ее примѣривающей богатый головной уборъ; сцена съ Колычевымъ тоже воскресла во мнѣ: ея фраза „Голубчикъ бѣлый, отрави царицу“—звучитъ въ моихъ ушахъ...

Я вижу какъ сейчасъ, какъ Грозный-Самаринъ ведетъ послѣднюю передъ убійствомъ сцену съ уснувшей Ѳедотовой-Василисой, бредящей Колычевымъ...

И вдругъ...

„Но нѣтъ, умолкни, лира! (Лермонтовъ).“

Передо мною была бабелница размѣровъ необъятныхъ... Штукатурка фунтами сыпалась съ ея отвислыхъ щекъ... По сценѣ она бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей пламя пышетъ...

Ужасно!

Но, говорятъ: „Любви всѣ возрасты покорны!“

Говорятъ: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!“

Прощай, моя мечта! Прощайте, впечатлѣнія молодости! Убилъ я васъ за собственный цѣлковый.

Московскій Малый театръ называютъ теперь то домомъ Щепкина, то домомъ Мочалова,—этихъ двухъ гигантовъ русской сцены, одного въ комедіи, другого въ трагедіи. Ни того, ни другого мнѣ видѣть не пришлось. Но духъ ихъ въ мое время дѣйствительно виталъ еще въ стѣнахъ родного имъ театра; дѣйствительно, оставленные ими традиціи были еще сильны, и наслѣдники ихъ и ученики умѣли блестяще поддерживать прочно сложившуюся репутацію Московскаго Малаго театра!

А наслѣдники эти были: С. В. Шумскій, И. В. Самаринъ, П. М. Садовскій, В. И. Живокини, Н. М. Медвѣдева, Е. Н. Васильева,

Акимова, Степановъ, Никифоровъ, не считая молодежи: Оедотовой, Никулиной, Музиля и др.

Какія все большія имена!

Премьеромъ считался Шумскій. Меня удивляетъ, почему отзывы о немъ критиковъ того времени были всегда болѣе или менѣе сдержанны, тогда какъ этотъ артистъ, по моему мнѣнію, былъ рѣдчайшій самородокъ какъ по своему разностороннему таланту, такъ и необычайной трудоспособности.

Найдите мнѣ другого такого артиста, который бы могъ играть, и играть безподобно, захватываяще, такія разнообразныя роли, какъ: Іоанна Грознаго и водевилъ „Средство выгонять волокитъ“; Кречинскаго и Аркашку; Телятева (въ „Бѣшеныхъ деньгахъ“) и Василя Шуйскаго (въ „Самозванцѣ“ Островскаго); Жадова и Бородавку („Каширская старина“); Полонія въ „Гамлетѣ“ и семинариста Новоникольскаго въ „Гражданскомъ бракѣ“?

А Мольеровскія піесы: „Продѣлки Скапена“, „Тартюфъ“? Укажите мнѣ драму, въ которой бы онъ не захватилъ зрителя, и комедію съ водевилемъ, гдѣ бы онъ не положилъ зрителя отъ смѣха!

Удивительный діапазонъ (если можно такъ выразиться) таланта!

И никогда вы на сценѣ не видали С. В. Шумскаго, а видѣли Грознаго, Кречинскаго, Телятева со всѣми особенностями ихъ характеровъ, гримма, походки, взгляда, манеры!

Величайшій былъ артистъ!

Для этого человѣка не существовало ампуа. Онъ игралъ все и вездѣ былъ безподобенъ. Границы его таланта кончались купеческими ролями, до которыхъ онъ не касался.

Да, Шумскій былъ не только громадный талантъ и умъ, но и работникъ, вѣчно занятый, вѣчно стремящійся къ совершенствованію.

Поищите-ка такого другого...

Прямымъ наслѣдникомъ его я считаю А. П. Ленскаго, ампуа котораго было тоже разнообразно. Они не специализировались на какихъ-нибудь роляхъ извѣстнаго пошиба, не утомляли зрителя однообразіемъ, да и сами-то не укладывались въ узкія рамки для вѣчнаго прозябанія. Ленскій, какъ извѣстно, игралъ и Шекспира, и Яшку „На Пескахъ“.

Въ роляхъ купцовъ, мѣщанъ, чиновниковъ извѣстной окраски, царилъ знаменитый Провъ Михайловичъ Садовскій. Его сфера была уже Шумскаго, но въ своихъ роляхъ онъ былъ недосыгаемъ.

Садовскій былъ, что называется, серьезнымъ комикомъ; увидать въ его игрѣ какой-нибудь фортель было нельзя; да и вообще къ фортелямъ тогда труппа Малаго театра не прибѣгала; фортели

строго преслѣдовались самими артистами. Развѣ только любимецъ москвичей В. И. Живокини составлялъ исключеніе изъ общаго правила, но онъ былъ любимецъ, и ему многое прощалось, даже критикой.

Нѣтъ, Садовскій былъ совсѣмъ другое. Силою своего громаднаго таланта онъ удивительно охранялъ границы, за которыя переходить безнаказанно было нельзя. Я говорю, конечно, о роляхъ серьезныхъ: Любима Торцова, Краснова („Грѣхъ да бѣда“) и т. п.; но и въ другихъ роляхъ, чисто комическаго свойства, гдѣ перейти въ шаржъ было очень легко, онъ никогда не выходилъ изъ рамокъ правды.

Онъ морилъ со смѣху публику, ни разу даже глазами не улыбнувшись. Припоминается мнѣ исполненіе имъ ролей: Колечкина „Къ мировому“, Подхалюзина „Свои люди“, Расплюева „Свадьба Кречинскаго“, въ „Доходномъ мѣстѣ“ (Юсова).

А до чего онъ былъ хорошъ въ піесахъ Мольера! Его фраза: (кажется „Лѣкаръ по неволѣ“): „И за какимъ чертомъ я пошелъ на эти проклятыя галеры!“—до сихъ поръ сидитъ у меня въ ушахъ.

Много видѣлъ я артистовъ, игравшихъ эти роли, но, увы! ни Шумскаго, ни Прова Садовскаго, барича-Самарина — я уже не встрѣчалъ.

Вѣками рождаются такіе люди!

Я самъ не видалъ, но слыхалъ про невѣроятное происшествіе: Провъ Садовскій исполнялъ роль Іоанна Грознаго!

А было это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ награду за продолжительную службу какому-то маленькому актеру, или суфлеру, дирекція дала бенефисъ.

Ну, на какой же сборъ могъ рассчитывать незамѣтный театральный чернорабочій? Само-собою, что нужно было сочинить что-нибудь выдающееся, выходящее изъ ряда вонъ.

Идти съ этимъ дѣломъ къ премьеру Шумскому было трудновато: горденекъ былъ Сергѣй Васильевичъ и не легко отзывался на нужды младшаго брата, а Садовскій—простоецъ по натурѣ,—со всѣми былъ хорошъ, всѣ его любили, и ко всѣмъ онъ относился душевно.

И вотъ бѣдняга идетъ къ нему и просить помочь.

Отзывчивая, простая, русская душа Прова не только не могла отказать, а готова была дѣйствовать даже во вредъ себѣ, только бы помочь маленькому человѣчку!

И онъ соглашается играть.

— Что же прикажете поставить, Провъ Михайловичъ?

— Да ставь... „Грознаго“!

— ?!

Бѣдняга вытаращилъ на него удивленные глаза и изобразилъ изъ себя знакъ вопросительный.

Ужъ не шутка ли это?

— Чтò, удивилъ?

— Да... какъ же-съ... помилуйте... Что же вы тамъ будете играть?

— Разумѣется, Грознаго!

— Да... вы... не шутите?

— Ничуть. Ставь. Сборъ будетъ, а объ остальномъ не заботься.

Въ какой піесѣ игралъ Садовскій Грознаго, я не помню. Но онъ игралъ. Вся Москва съѣхалась смотрѣть на это чудище: Садовскій—Грозный!

Сборъ громадный. Цѣль достигнута.

Какъ ужъ онъ сыгралъ — Христось его знаетъ, но, помнится мнѣ, суть рецензіи этого спектакля: Шумскій игралъ Грознаго; Самаринъ игралъ Грознаго; ну, какъ же мнѣ, Садовскому, не сыграть Грознаго?

Но такая рецензія прошла мимо уха добрѣйшаго человѣка, ничуть не задѣвши его, а доброе-то дѣло сдѣлано: мелкая театральная сошка собрала деньгу.

За правду не ручаюсь. Передаю это какъ слухъ, ходившій въ то время въ средѣ театраловъ.

До чего былъ всегда хорошъ третій столпъ и утверженіе малаго театра—И. В. Самаринъ.

Его конекъ былъ — баричи. Какъ онъ войдетъ, какъ сниметъ перчатки, сядетъ въ кресло, поставитъ на полъ около себя цилиндръ, встанетъ, поклонится, уйдетъ — во всемъ виденъ баринъ съ головы до ногъ...

Реализмъ игры всей вообще труппы дома Щепкина доходилъ до послѣдняго предѣла. Дальше идти было некуда.

Если вы примете во вниманіе, что многіе изъ этихъ артистовъ воспитались на хорульныхъ піесахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, такъ называемаго ложно-классическаго репертуара, то какая должна была быть работа преемниковъ Щепкина, чтобы перевести игру ходульную въ плоскость реализма, чтобы театръ изображалъ жизнь, какъ она есть, чтобы наслѣдство Гоголя царило не только въ литературѣ, но и на сценѣ.

Иностраннй репертуаръ — и трагедія и комедія, Шекспиръ и Мольеръ — имѣли въ Самаринѣ высокоталантливаго исполнителя. Въ Самаринѣ, какъ и въ Шумскомъ, мы видѣли артиста, не отдавашагося исключительно той или другой отрасли драматическаго искусства, не влѣзшаго въ какую-то одну скорлупу, оспеціализи-

ровавшася въ ней; нѣтъ, въ трагедіи, какъ и въ комедіи, онъ чувствовалъ себя и былъ одинаково на своемъ мѣстѣ. Онъ играетъ царя Грознаго, играетъ короля Клавдія (Гамлетъ), но играетъ и Тартюфа, и Фамусова, видѣлъ я его и въ городничемъ.

Вотъ только... Грозный... въ „Василисѣ Мелентьевой“...

Я видѣлъ его въ этой роли нѣсколько разъ. Что онъ былъ безподобенъ—объ этомъ нечего и говорить: духовный обликъ Грознаго, характеръ, данъ имъ безукоризненный; но плоть его, крупная, грузная, совсѣмъ была неподходяща для Ивана; не могъ быть Грозный, вѣчно нервный, вѣчно готовый вспыхнуть, какъ порохъ, вѣчно мучимый угрызеніями совѣсти за совершенныя имъ убійства,—не могъ Грозный быть такимъ упитаннымъ...

И артистъ сознавалъ это: онъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы затушевать свою полноту: наприимѣръ, въ „Василисѣ Мелентьевой“ онъ надѣвалъ темно-коричневый атласный кафтанъ и выходилъ въ немъ и въ садъ, и въ опочивальню Василисы. Конечно, этотъ цвѣтъ очень скрадывалъ его полноту.

Да и не могъ онъ не сознавать этого, видя почти одновременно фигуру Шумскаго, игравшаго Грознаго въ трагедіи графа А. Толстого.

И за это Самарина въ мое время называли не Грознымъ, а мясникомъ.

Ну... такой отзывъ черезчуръ рѣзокъ.

Исполнительницы женскихъ ролей тоже были велики, но уступали мужчинамъ. Припомните Васильеву, Медвѣдеву, Акимову, Федотову, Никулину, и вы тогда поймете, какіе алмазы сверкали на сценѣ Императорскаго Московскаго Малаго театра.

Режиссеромъ былъ тогда Богдановъ; маленькій, сѣденькій старичекъ. Само собою разумѣется, что роль его при такой труппѣ сводилась только къ обстановкѣ, а въ художественномъ отношеніи къ яолу. И несмотря на отсутствіе руководителя, такъ сказать, камертона, артисты разыгрывали піесы удивительно.

Сейчасъ много пишутъ о Московскомъ Художественномъ театрѣ. Мнѣ не пришлось ни разу посѣтить его, и потому я не могу высказаться о немъ въ ту, или другую сторону. Но мнѣ кажется, что царящій въ немъ духъ талантливаго г. Станиславскаго убиваетъ въ актерахъ всякое стремленіе къ самостоятельной работѣ. Творить Станиславскій, а актеры при такихъ условіяхъ должны превратиться въ граммофоны плюсъ синематографъ. Однимъ словомъ—это трудолюбіе всѣхъ, и искусство — одного. Личность актера погребена...

Впрочемъ, повторяю, мнѣ такъ это кажется, и я свое мнѣніе легко могу взять назадъ, если мнѣ докажутъ, что я ошибаюсь.

VII.

Цѣлое лѣто я ходилъ въ театръ и заразился имъ. Театромъ я бредилъ, безъ театра скучалъ. Будучи на старшемъ курсѣ, я началъ понемногу погружаться въ театральное болото. Зимній сезонъ трудненько было попасть бесплатно въ оркестръ, и приходилось тратить по 30 коп. за билетъ на галерку, гдѣ собирались главные цѣнители и судьи. Свелъ знакомство съ нѣкоторыми учениками театральнаго училища. Все это были дѣти служащихъ въ театрѣ: капельдинеровъ, маленькихъ актеровъ, музыкантовъ. Помню, у одного изъ нихъ устроили мы домашній спектакль. Чтò играли и какъ играли, не помню. Помню, что дѣло происходило въ маленькой квартиркѣ: гостиная, отдѣленная отъ зала аркою, была у насъ сценой; занавѣсью служило не то красное ваточное одѣяло, не то сшитыя кумачевыя оконныя занавѣски. Но мы играли и чувствовали себя очень хорошо.

Театральный бѣсенокъ во мнѣ возрасталъ и укрѣплялся.

Дѣла мои на курсахъ шли весьма удовлетворительно, и предстоящихъ выпускныхъ экзаменовъ я не боялся. И дѣйствительно, они прошли у меня неожиданно хорошо, да и всѣхъ насъ инспекторъ поздравилъ съ успѣшнымъ окончаніемъ. Я окончилъ третьимъ, но не думайте, что это очень высокое мѣсто: третій изъ шестерыхъ, хотя баллы у меня были весьма порядочные.

Это былъ 1867 годъ.

Первое, что было сдѣлано мною послѣ экзаменовъ—это куплена форменная фуражка съ кокардою. На Кузнецкомъ мосту стоялъ полицейскій стражъ, который какъ-то, когда я проходилъ мимо него въ своей новой фуражкѣ, отдалъ мнѣ честь.

Погубилъ онъ меня, подлець, этою честью!

Вотъ я и повадился ходить мимо него. Хоть и не по дорогѣ мнѣ, а ужъ непременно, если увижу издали этого простяка, пройду мимо него, а онъ козырнетъ. Это мнѣ очень нравилось. Разъ даже мать свою повелъ: смотри, молъ, какой у тебя сынъ-то!

Что значить семнадцатый-то годъ отъ рожденія! Все это забавляло.

Ахъ, юность, юность золотая!

Окончивши курсъ и получивши послѣднюю стипендію, мы задумали отпраздновать это событіе пирушкой. Да не кой-какой, а сравнительно, грандіозной, такъ чтобы рубля по полтора съ носа вышло!

На Лубянской площади, противъ Никольскихъ воротъ, на углу,

былъ трактиръ; чей—не помню. Вся Лубянская площадь (торговцы) посѣщали его: пили чай, водку, закусывали, тутъ же творили и свои дѣла и дѣлишки.

Вотъ въ этотъ-то трактиръ и отъявилась наша компанія. Заняли большой столъ, заказали водки, закуски и обѣдъ. Обѣдъ былъ богатѣйшій: помню раковый супъ съ великолѣпной осетриной, приготовленъ—объяденье! Дешевизна—поразительная, а порціи... да въ настоящее голодное время, когда желудки воспитываются на вѣчномъ воздержаніи, каждая порція свободно четверыхъ накормить, а тогда мы спрашивали порцію на двоихъ, и стоила она сорокъ копѣекъ.

Но тутъ со мной случился инцидентъ, въ которомъ я, право, не виноватъ, но рассказать я считаю не лишнимъ.

Московскіе торговцы Никольской улицы, Лубянской площади, Охотнаго ряда и т. п. бойкихъ торговыхъ пунктовъ, отличались своимъ зубоскальствомъ. Въ комедіяхъ Островскаго можно много найти монологовъ и діалоговъ, подтверждающихъ это. Дать какое-нибудь прозвище запьянцовской кокардѣ (прозвище большею частью ядовитое и остроумное), или своему приказчику, или половому въ трактирѣ—было дѣломъ обычнымъ.

Такъ было и тутъ.

Народу пропасть набралось въ трактирѣ.

Прислуживалъ намъ половой, разбитной, старательный малый, въ бѣлой рубашкѣ и штанахъ; у него было блѣдноватое лицо въ веснушкахъ, рыжеватые волосы острижены въ скобку, жидкіе усы и клочками рыжеватая бороденка.

Мы сидимъ, ведемъ свой разговоръ и на остальную публику не обращаемъ никакого вниманія. Только частенько слышимъ въ разныхъ концахъ зала восклицанія:

— Тппрр!

— Тпр!

— Тпр!

Что такое? Какая-то ерундища!

И раздается это „тпр“! когда мимо проходитъ нашъ половой. Смѣхъ стоитъ во всемъ залѣ неумолчный. Слышимъ, нашъ половой начинаетъ огрызаться направо и налево.

Мы опять этому не придаемъ никакого значенія.

Я всегда носилъ съ собою толстый портсигаръ папирось, которыми пользовались почти всѣ мои товарищи. Такъ было и тутъ.

Но чтобы постоянно не лазать за ними въ карманъ, я развернулъ портсигаръ и положилъ его на столъ. Подавая намъ водку и закуску, половой нечаянно накрылъ салфеткой и мой портсигаръ.

Одинъ изъ товарищей обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Ну-ка, дай-ка мнѣ папирочку!

Я въ карманъ—нѣтъ портсигара, я въ другой—и тамъ нѣтъ...

Въ это время половой собираетъ съ нашего стола глубокія тарелки, въ которыхъ мы ѣли супъ.

Разыскивая портсигаръ, я сталъ рукою хлопать по столу и нащупалъ его, прикрытаго салфеткой; приподнимаю одной рукою конецъ салфетки, а другой лѣзу за портсигаромъ...

Вдругъ слышу сзади меня... грохъ!

Испугался страшно, обертываюсь и вижу: стоитъ половой, весь дрожить, растопыренные руки трясутся, а на полу валяется вся разбитая вдребезги посуда...

Вся публика заржала такъ, какъ я отъ роду не слыхивалъ, а половой стоитъ и ругается самыми скверными словами, на чемъ только свѣтъ стоитъ!

Я удивленно смотрю на него, а онъ-то ругается... онъ-то ругается; публика же помираетъ со смѣху; только я и вся наша компанія не принимаетъ въ общемъ веселья никакого участія, такъ какъ рѣшительно не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

Сверкающіе глаза и дышащее злобой лицо полового заставило моего товарища, силача А., подойти ко мнѣ, чтобы оградить отъ возможнаго со стороны ополоумѣвшаго малаго оскорбленія.

Пришелъ на шумъ хозяинъ, половому велѣлъ уйти, а насъ просилъ успокоиться.

Послѣ объяснился этотъ инцидентъ.

Половой какъ-то покупалъ себѣ въ деревню лошадь, да вмѣсто одной, по ошибкѣ, купилъ другую. Приѣхалъ въ Москву да и рассказалъ чистосердечно объ этой своей бѣдѣ постояннымъ посѣтителемъ трактира, а тѣ, вмѣсто помощи, на которую рассчитывалъ простота, подняли его на смѣхъ, устроили себѣ увеселеніе... Тппрр! да „тппрр“!

Такъ и пошло... Со свѣта Божьяго сжили малаго!.. До бѣлаго каленія довели!

Да, московское купечество того времени, а особенно мелкое: изъ „города“, съ Ильинки, Никольской, а тѣмъ болѣе торговцы Лубянской площади любили устроить себѣ потѣху изъ всего. Дикости въ нихъ еще и теперь довольно, только прикрыта эта дикость легкою дымкой; а въ тѣ времена она всѣхъ дивила своей откровенностью.

Пройди по Ножовкѣ какой-нибудь бѣдняга,—сейчасъ дадутъ прозвище и подымутъ хохоть.

Другой трактиръ, въ который мы заглядывали иногда, это былъ

Егорова въ Охотномъ ряду. Грязновать былъ онъ, и даже очень, но кухня, русская кухня была великолѣпна! Такой осетрины, ветчины, поросятины въ рѣдкомъ трактирѣ Москвы можно было найти; развѣ только въ большомъ Московскомъ, Гурина, у Тѣстова, да на Ильинкѣ въ Биржевомъ, да и то по значительно повышеннымъ цѣнамъ, конечно, за обстановку.

А блины? Ахъ, какіе были эти блины!

Платили вы 20 коп. за десятокъ и вамъ подавали блины съ чѣмъ угодно: съ ветчиной, съ осетриной, съ яйцами. Икра-дешевка, сметана даромъ. Ышь эти блины и не чувствуешь—во рту таютъ; только дома они давали себя знать тяжестью ужасною...

Егоровскій трактиръ былъ трактиръ старообрядческій. На стѣнѣ, помню, висѣлъ портретъ Селиванова, ихняго знаменитаго начетчика и заправилы; пепельницъ и спичекъ—ни одной; курить не позволялось. Клюквеннаго квасу пей сколько хочешь, если не даромъ, то за страшно дешевую плату.

А вотъ, года два тому назадъ, я, по старой памяти, заглянулъ въ этотъ трактиръ. Хоть и не думалъ я застать тамъ старые распорядки, но ужъ никакъ не ожидалъ того, что встрѣтилъ: швейцаръ въ поддевкѣ; на всѣхъ столахъ пепельницы, значить—можете курить; стало почище, но не намного; блины подаются порціями: шесть штукъ восемь гривенъ, и ужъ далеко не тѣ знаменитые воронинскіе блины, какіе я ѣлъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Прогрессъ! ничего не подѣлаешь.

Думали ли когда старообрядцы, эти твердые духомъ люди, многое и многое претерпѣвшіе, что придетъ время, которое не пощадитъ ни ихъ насиженнаго мѣстечка, ни ихъ свчаевъ—обычаевъ?!...

Лѣтомъ этого же года (1867) у меня умеръ отецъ. Въ Ильинъ день собрались мы на Пятницкое кладбище. Мы съ отцомъ отправились туда сейчасъ же послѣ обѣда пѣшкомъ, а мать съ младшимъ братомъ должны были пріѣхать послѣ. День былъ жаркій; отецъ, человекъ довольно полный, пришелъ на кладбище весь мокрый; снялъ пиджакъ и улегся на прохладную могилу своей первой жены. Потомъ пріѣхала мать; стали пить чай и закусывать; немного погуляли, подышали свѣжимъ воздухомъ, и всѣ пѣшкомъ отправились домой.

Въ этотъ день вечеромъ ждали пріѣзда Государя въ Москву. Встрѣчи Царя въ Москвѣ тогда были торжественныя. Вся душа и сердце народа принадлежали Царю, и потому понятно, что въ домѣ оставался только старъ да малъ, а все здоровое и свободное населеніе Москвы шло къ Николаевскому вокзалу и запруживало

улицы отъ вокзала до Кремля. Хотѣлъ и я идти, несмотря на усталость, но вдругъ отецъ упалъ въ кресло и захрипѣлъ...

Я бросился въ клинику за врачомъ, но, увы, ни одного не было дома, всѣ ушли встрѣчать Государя. Какого-то дежурнаго фельдшера мнѣ пришлось подцѣпить и привести къ себѣ; онъ отворилъ отцу кровь, назначилъ какое-то лѣкарство, но все было напрасно: подъ утро отецъ скончался.

Похоронили. Мать страшно скучала, да и дѣло было на рукахъ. Хоть уѣзжать мнѣ на службу при такихъ условіяхъ было и не сподручно, а дѣлать нечего, надо ѣхать.

Мать стала со мной заговаривать уже о томъ, что нельзя ли остаться; какъ, де, я тутъ буду одна, безъ мужчины...

— Да и ты-то куда поѣдешь?

— Да какъ же, мама, остаться-то? Нельзя: вѣдь я стипендію получалъ; обязанъ ѣхать. Пойду къ директору, посоветуюсь, какъ быть.

И, дѣйствительно, пошелъ. Прихожу; принимаетъ.

Директоромъ народныхъ училищъ въ то время былъ прелестнѣйшая личность, А. Н. Соколовъ: добрый, внимательный, обходительный. Мы всѣ его очень любили и шли къ нему, какъ къ отцу родному.

— А! обманщикъ, здравствуйте! Какъ же это вы насъ всѣхъ такъ надули?

Я глаза вытаращилъ... Чего, чего, а ужъ такого приѣма я никакъ не могъ ожидать.

— Въ чемъ же, Александръ Николаевичъ?

— Да что вы, батенька! у насъ на курсы принимаютъ только шестнадцать лѣтъ, а вы успѣли ужъ и кончить по семнадцатому году... Оставайтесь-ка еще на годикъ... поживите въ Москвѣ... поучитесь... попользуйтесь стипендіей,—а то для учительства вы еще молоденьки...

Тутъ только я припомнилъ, какъ все это случилось. Выходило, дѣйствительно, такъ, что я ихъ поднадулъ...

Дѣло въ томъ, что я, какъ рассказывалъ выше, держалъ экзаменъ прямо на второй курсъ и выдержалъ. Когда зачислили меня слушателемъ-стипендіатомъ, инспекторъ сталъ требовать у меня документы. Я обѣщалъ принести. Спросилъ дома свою метрику и вижу, что шестнадцать лѣтъ мнѣ исполнится только въ декабрѣ. Я отдалъ метрику опять матери, и сколько ни приставалъ ко мнѣ инспекторъ съ требованіемъ документа, я все угощалъ его завтраками, и такъ дотянулъ до декабря, а тамъ принесъ и отдалъ ему. Онъ посмотрѣлъ, прочиталъ, что-то промывалъ себѣ подъ

ность и ушелъ. Вѣроятно, онъ не обратилъ вниманія на то, что я уже на послѣднемъ курсѣ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство было кстати, и я ему очень обрадовался. А все-таки говорю директору:

— Позвольте мнѣ, в. п., посоветоваться съ матерью...

— Ну, что жъ... доброе дѣло... доброе дѣло... Ступайте и завтра принесите отвѣтъ.

Я раскланялся и вышелъ.

VIII.

Мать была страшно рада этому, такъ что все устраивалось къ общему удовольствію.

Но товарищи всѣ были удивлены: они никакъ не ожидали, что среди нихъ былъ такой малецъ.

Коварду я свою снялъ, а дырочку на картузѣ отдалъ заштопать.

Отецъ умеръ; я остался на второй годъ; дѣлать, думалъ, будетъ нечего; самъ себѣ баринъ... Гуляй, не хочу! Однимъ словомъ, воля!..

Хорошая эта штука—воля, но далеко не для всѣхъ. Ты сначала воспитай характеръ, умѣнье располагать собой, своими поступками, да тогда ужъ и думай о волѣ.

Мнѣ думается, что воля для насъ, русскихъ, въ большинствѣ своемъ людей мягкихъ, безвольныхъ, добродушныхъ, да и (нечего грѣха таить) съ природной лѣнцой, воля не, ахти, какая полезная штука. Вѣроятно, со мною согласятся многіе, посмотрѣвши съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ.

Любовь моя къ театру все развивалась и развивалась. Не только я самъ часто посѣщалъ московскую драму, но увлекъ на этотъ путь и многихъ моихъ товарищей. Любовь эта стоила денегъ, которыми мы всѣ далеко не могли располагать такъ свободно, какъ бы желалось. Поневолѣ пришлось (голь на выдумки хитра!) прибѣгнуть къ способу, далеко не всѣми одобряемому; въ домашнемъ обиходѣ способъ этотъ называется мошенничествомъ.

Въ Большомъ Московскомъ театрѣ мѣста на галеркахъ отдѣлялись одно отъ другого невысокой перегородкой; а въ Маломъ—этихъ перегородокъ не было. Это обстоятельство внушило намъ преступную мысль, что на двухъ мѣстахъ можно сидѣть и троемъ. И вотъ, мы собираемъ по двугривенному (вмѣсто 30 коп.) съ носу, получается сумма въ 60 коп., на которую одинъ идетъ и беретъ въ кассѣ два билета. Съ этими билетами двое идутъ и садятся на

мѣста, а третій ждетъ въ буфетѣ. Немного погода, выходитъ одинъ изъ засѣвшихъ на мѣста товарищей и выноситъ съ собой билетъ, который взялъ у оставшагося въ театрѣ товарища, и передаетъ его третьему. Съ билетами въ карманѣ мы уже смѣло идемъ на свои мѣста, только черезъ другія двери.

— Вашъ билетъ? спрашиваетъ капельдинеръ.

— Да вѣдь ужъ вы видѣли! отвѣчаемъ мы и показываемъ свои билеты.

— Пожалуйте!

Тогда этотъ приѣмъ невиннаго мошенничества былъ новъ, а потому капельдинеру и не въ домекъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; теперь же онъ практикуется повсюду, и потому распорядители, очень хорошо знакомые съ такими фортелями (можетъ и сами когда-то этимъ пользовавшіеся), принимаютъ всѣ мѣры къ возможному сокращенію числа любителей бесплатныхъ удовольствій.

И вотъ я помню такой случай.

Тогда главнымъ пекаремъ и поставщикомъ театральныхъ піесъ былъ Дьяченко. Всѣ его піесы не особенно высокой пробы по содержанію и по глубинѣ мысли, но онѣ сценичны, выигрышны и потому пользовались успѣхомъ (какъ, напримѣръ: „Современная барышня“, „Свѣтскія ширмы“, „Жертва за жертву“ и др.), а особенно въ отдѣлкѣ тогдашней даровитѣйшей труппы Малаго театра. Но въ тотъ вечеръ, о которомъ я хочу повѣдать, была поставлена ходовая въ то время піеса Чернявскаго „Гражданскій бракъ“. Піеса эта имѣла удивительный успѣхъ въ публикѣ и шла чуть-ли не черезъ день и всегда при полномъ театрѣ. Пылкая тема на злобу дня, прекрасный языкъ автора, да и самое исполненіе ея лучшими силами театра: Самаринымъ, Шумскимъ, Садовскимъ, Вильде, Ѳедотовой, Медвѣдовой и др.,—все это вмѣстѣ взятое властно захватило публику, и можно смѣло сказать, что дѣйствительно вся Москва пересмотрѣла ее.

Нашъ божокъ Ѳедотова въ „Гражданскомъ бракѣ“ превосходила самое себя, и мы особенно свирѣпствовали въ приѣмѣ ея. Окончилось первое дѣйствіе, мы неистово оремъ „Ѳедотову!“ Окончилось второе—опять „Ѳедотову!“, до хрипоты; аплодируемъ, стучимъ ногами.

Послѣ третьяго—то же.

И вдругъ, съ одной стороны, видимъ, приближается къ намъ полицейскій чиновникъ, а съ другой—капельдинеръ.

— Пожалуйте въ контору!

Шествіе тронулось: впереди полицейскій, за нимъ мы гуськомъ, а замыкалъ шествіе господинъ въ мундирѣ придворнаго лакея.

Я былъ молодъ, а одинъ изъ моихъ товарищей, В., который шелъ сзади меня, еще моложе. Испугался онъ страшно. И слышу я его дрожащій шопотъ:

— Г.! отдай билетъ, а то скажу...

— Какой билетъ?

— Какой... театральнй. Я давалъ деньги нынче, а не ты...

Я такъ и покотился со смѣху. А онъ все время, пока сходилъ съ лѣстницы, твердилъ: отдай билетъ, да отдай билетъ.

— Убирайся къ чорту! нѣтъ у меня никакого билета. Да ты скажи, что потерялъ.

Привели насъ въ контору театра, опросили, кто мы такіе, гдѣ живемъ, все это аккуратненько записали и отпустили насъ съ Богомъ на верхъ досматривать піесу.

Никакихъ послѣдствій для насъ этотъ инцидентъ не имѣлъ, хотя мы самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ указали наши адреса, какъ невинные агнцы, никогда не бывавшіе въ подобныхъ передѣлкахъ.

А полицейскій, очевидно, былъ увѣренъ, что мы ему наврали и, конечно, разорвалъ свою записъ.

Напужалъ только моего коллегу-то!

Оканчивались наши уроки ежедневно въ шесть часовъ вечера (съ 2-хъ), и мы въ компаніи трехъ—четырехъ человекъ отправлялись домой по Кузнецкому мосту.

Ну и озорники же были, я вамъ скажу!

Озорство было подъ часъ довольно глупое, а иногда и нелишенное извѣстнаго остроумія.

Отличался въ этомъ силачъ-семинаристъ А.

Помню такой случай. Кузнецкій мостъ ярко блеститъ огнями, главнымъ образомъ изъ оконъ своихъ блестящихъ магазиновъ. Конечно, объ электричествѣ тогда въ Москвѣ не имѣли понятія, но все-таки было очень свѣтло.

Былъ довольно сильный морозъ. Среди изящной публики, франтовъ-кавалеровъ и франтихъ дамъ, фланировавшихъ безъ всякой опредѣленной цѣли, мелькали и намазанныя фигуры милыхъ, но падшихъ созданій.

И вотъ одна изъ этихъ несчастныхъ идетъ тихонько впереди насъ.

И вдругъ А. набралъ слюней съ примѣсью носовой жидкости, да какъ харкнетъ и прямо на шубу дѣвы прекрасной. Я его толкаю въ бокъ и тихо говорю:

— Что ты!!

А онъ и другой разъ то же самое.

Сильный морозъ тотчасъ же сдѣлалъ свое дѣло, и на шубкѣ дѣвицы сидѣли три—четыре сосульки.

А я закрылъ ротъ рукою и не могу удержаться отъ хохота.

Глухо! Теперь и самому совѣстно за такое озорство, а тогда было только весело.

На углу Петровки и Кузнецкаго моста былъ богатѣйшій магазинъ, кажется, француза Море. Остановливается А. на этомъ углу и кричитъ черезъ всю улицу:

— Эй! газетчикъ!

Газетчики съ другого троттуара летятъ со всѣхъ ногъ черезъ улицу.

— „Голосъ“ есть? спрашиваетъ А.

— Есть-съ...

— А „Время“?

— Есть-съ, пожалуйста!

— Ну, такъ спой что-нибудь! говоритъ А. и преспокойно идетъ себѣ дальше.

Ну, конечно, слышится въ догонку ругань разнощика, а А. и ухомъ не ведетъ, какъ будто это его совѣмъ и не касается.

Или помню еще такой случай.

Вышла тогда дамская мода носить бедуины. Это обыкновенная тальма, но только съ мѣшкомъ сзади, какъ дѣлается теперь у гуттаперчевыхъ плащей.

26 августа былъ день коронаціи, и въ Александровскомъ саду всегда бывала иллюминація, музыка и большое гулянье. Публики—ну... сотня тысячъ, казалось. Садъ громадный, а мы двигаемся еле-еле, шагъ за шагомъ. И хотѣлось бы поскорѣй пройти, да невозможно.

Купилъ все тотъ же озорной А. десятокъ какихъ-то яблокъ. Идемъ мы съ нимъ и ѣдимъ себѣ яблочки, а впереди насъ какая-то небогатая купеческая или мѣщанская семья: довольно объемистая мамаша въ бедуинѣ, три дочки, да крупитчатый малый, лѣтъ одиннадцати. „Самого“ не было.

Гуляетъ мой А. да ѣстъ яблоки. Обѣстъ одно яблоко, а сердцевину кладетъ купчихѣ въ башлыкъ бедуина. Обѣстъ другое, а остатки туда же.

Я толкаю его въ бокъ да тихо говорю:

— Что ты дѣлаешь!?

— Ничего, спокойно отвѣчаетъ А. Терпѣть не могу нечистоплотности. Что это за хамство, объѣдятъ и бросятъ здѣсь же. А тутъ видишь какое великолѣпное приспособленіе выдумали: всѣ объѣдки въ одномъ мѣстѣ. Ея хозяйское сердце должно порадоваться, какъ домой придеть.

Вотъ ты тутъ и разговаривай съ такимъ ахаль-текинцемъ.

IX.

Не могу припомнить, какимъ образомъ и чрезъ кого именно я попалъ въ тогдашній Артистическій кружокъ, который помѣщался на Большой Лубянкѣ, въ домѣ Лабади, кажется, рядомъ съ третьей мужской гимназіей. Попалъ я туда въ качествѣ актера-любителя и участвовалъ въ тамошнихъ спектакляхъ.

О кружкѣ стоитъ поговорить.

Распорядителемъ и главнымъ режиссеромъ былъ артистъ Малаго театра Николай Евстафьевичъ Вильде.

Играя любовниковъ на сценѣ, онъ былъ въ Москвѣ законодателемъ мужскихъ модъ. Какую-нибудь парижскую новинку, фасонъ ли, матерію ли можно было увидеть прежде всего на немъ.

Это былъ очень умный человѣкъ и умный артистъ, но, увы! огня небеснаго ему не было дано: своей игрой онъ не могъ захватить зрителей, а потому не пользовался ихъ особыми симпатіями, напротивъ, часто приходилось слышать выраженіе чувствъ противоположныхъ, да еще въ довольно рѣзкой формѣ. Много было въ немъ, какъ тогда говорили, деревяннаго. Но я этого не находилъ. Миѣ Вильде очень нравился въ общемъ, хотя, правда, до струнъ души моей своей игрой касался очень рѣдко. Въ его фигурѣ не было достаточной гибкости; двигались у него только ноги да шея; вѣроятно, это обстоятельство и давало право на заключеніе о его „деревянности“. И все-таки, играя съ такими гигантами, какъ Шумскій, Садовскій, Самаринъ, онъ не портилъ впечатлѣнія. Конечно, тутъ ему много помогалъ его большой умъ и образованіе.

А режиссеръ онъ былъ чудесный!

Любительская труппа наша состояла преимущественно изъ молодежи, но были люди и пожилые, солидные. Тамъ свою артистическую карьеру началъ Миша Садовскій, недавно умершій большой артистъ Малаго театра.

Тогда еще юноша, длинный, худой, съ густыми черными волосами, онъ пользовался особенной симпатіею всѣхъ членовъ и кружка, и труппы. Всѣ, кромѣ меня, такъ и звали его Миша, да Миша!

Тамъ же начала свою артистическую карьеру, здравствующая и понынѣ, О. О. Лазарева, жена Михаила Провыча Садовскаго, изъ которой выработалась превосходнѣйшая, высокоталантливая артистка Московскаго Малаго театра. Начала Ольга Осиповна съ молодыхъ лѣтъ играть старухъ и на амплуа старухъ поступила на императорскую сцену. Достались ей въ наслѣдство роли знаменитой С. П. Акимовой, и само собою разумѣется, что трудно было

первое время молодой артисткѣ завоевывать себѣ положеніе на сценѣ. Спорить даже съ тѣнью Акимовой, пользовавшейся общою любовью москвичей, было мудрено. Но молодая артистка не испугалась. Она, чуя въ себѣ искру Божію, смѣлою рукой взялась за наслѣдство Акимовой, но пошла своей дорогой, нисколько не стараясь подражать ей. Эта самостоятельность скоро была замѣчена и оцѣнена публикой по достоинству, и О. О. какъ-то сразу стала увѣренной ногой на твердую почву и такъ не сходила съ нея всю жизнь.

Затѣмъ помню молодого некрасиваго артиллерійскаго поручика В. А. Макшеева.

Играя на сценѣ кружка, Владиміръ Александровичъ проявлялъ недюжинныя способности. Когда задумалъ Вильде поставить „Ревизора“, то роль городничаго онъ поручилъ не кому другому, а именно молодому Макшееву, хотя въ труппѣ были и другіе весьма талантливые любители, какъ, напримѣръ: Заруцкій, Леонтьевъ и Сусоровъ, люди солиднаго возраста, которымъ по внѣшности болѣе бы подходилъ Сквозникъ-Дмухановскій.

Роль Хлестакова была поручена молодому Садовскому; слесаршу Пошлепкину—играла О. О. Лазарева, будущая Садовская; я тоже принималъ участіе въ этомъ событіи исполненіемъ двухъ ролей: Мишки и трактирнаго слуги и провелъ ихъ вполнѣ удовлетворительно. Я называю это событіемъ потому, что въ то время далеко не всякая труппа провинціальныхъ актеровъ отважилась бы на постановку „Ревизора“.

Тутъ кстати я могу рассказать, какой порядокъ существовалъ въ кружкѣ при распредѣленіи ролей въ піесѣ.

Роли не назначались режиссеромъ, а въ артистической комнатѣ, а иногда и въ бібліотекѣ, клали на столъ объявленіе о піесѣ, назначенной къ постановкѣ. Листъ объявленія дѣлился пополамъ: на одной половинѣ выписывались дѣйствующія лица, а на другой—г. г. любители вписывали свои фамиліи противъ той роли, исполненіе которой они желали бы взять на себя. Не запрещалось записываться на двѣ, на три роли. Въ числѣ другихъ записался и я на двѣ роли: трактирнаго слуги и Мишки.

Затѣмъ театральнй комитетъ назначалъ сцены, которыя должны были исполнить въ его присутствіи записавшіеся конкурренты, и кто игралъ лучше, тому и предоставлялось исполненіе роли.

Хотя труппа была и большая, но на конкурсѣ я побилъ моихъ соперниковъ и завоевалъ обѣ эти роли, благо, они появляются въ разныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ же путемъ я добылъ себѣ роль Емели въ „Простушкѣ и воспитанной“.

Вотъ при какихъ условіяхъ досталось играть: Городничаго—

Макшееву, Садовскому—Хлестакова, Леонтьеву—Землянику, Сусорову—Осяпа, Лазоревой-Садовской—слесаршу Пошлепкину, остальныхъ не помню.

Отношеніе театральнаго комитета было строгое и вполнѣ безпристрастное. Трое судей терпѣливо и крайне внимательно выслушивали каждую сцену, которую предъ ними разыгрывали конкуренты, отмѣчали у себя хорошія и слабыя стороны исполненія, и по окончаніи конкурса удалялись въ совѣщательную комнату, всесторонне обсуждали игру любителей и составляли окончательное и безапелляціонное распредѣленіе ролей.

Много положилъ труда Вильде на постановку этого спектакля и въ концѣ концовъ добился прекрасныхъ результатовъ: „Ревизоръ“ прошелъ блестяще.

Каждый вечеръ я проводилъ въ кружкѣ. То назначались считки, то репетиціи, а то и такъ придешь почитать газеты, посмотрѣть на большихъ людей.

Вотъ, напримѣръ, за карточнымъ столомъ сидитъ неизмѣнная компанія за преферансомъ: А. Н. Островскій и его куманекъ Провъ Садовскій; остальные партнеры часто мѣнялись; помню какъ-то разъ игралъ съ ними А. Ѳ. Писемскій; помню его грузную, фигуру, черные съ просѣдью кудрявые волосы и огромные, рачьи, на выкатъ глаза.

Часто въ то время посѣщали кружокъ и другія знаменитости.

Вотъ, напримѣръ, красивая фигура старшины кружка, извѣстнѣйшаго адвоката князя Александра Ивановича Урусова. Въ его физиономіи вы едва-ли встрѣтите хоть одну правильную черту. Казалось, что не рѣзецъ художника вытачивалъ его, а топоръ дровосѣка: ударилъ разъ—получился глазъ; ударилъ въ другой—готовъ и другой глазъ; поковырялъ кое-какъ между глазами, и готовъ носъ... Но въ общемъ лицо князя Урусова было чрезвычайно мило, а главное необыкновенно симпатично. А особенно, когда онъ начнетъ говорить: близорукіе глаза его играютъ изъ-подъ золотого пенсне, довольно мясистыя губы улыбаются пріятнѣйшею улыбкой; чрезвычайно мягкій тембръ голоса безъ вашего позволенія залѣзаетъ къ вамъ въ душу. Начнетъ говорить—музыка.

Читая его громовыя рѣчи съ каеэды защитника, мнѣ было понятно, почему онъ не проигралъ, кажется, ни одного дѣла; мнѣ былъ понятенъ тотъ гипнозъ, посредствомъ котораго онъ имѣлъ такое неотразимое вліяніе на присяжныхъ засѣдателей...

Онъ былъ не изъ богатой семьи князей Урусовыхъ. Мнѣ пришлось какъ-то съ товарищемъ, который жилъ подѣ Дѣвичьимъ монастыремъ, идти домой по Пречистенкѣ.

— Вотъ домъ адвоката Урусова, говоритъ онъ.

Смотрю: маленькій деревянный въ три окна домикъ, окрашенъ въ темно-сѣрую краску, надъ калиткой вывѣска — княгини Урусовой.

Правда ли это, или нѣтъ, не знаю.

Люди ложь, и я тожъ.

При имени Урусова невольно приходятъ на память многія судебныя дѣла, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ, напримѣръ, дѣло приходскаго учителя—соціалиста Нечаева, убившаго студента Петровской академіи Иванова, трупъ котораго онъ утопилъ въ академическомъ пруду.

Петровцы—академики были народъ безпокойный. Часто у нихъ бывали сходки, составилось тайное общество; народъ звалъ ихъ, какъ и вообще всѣхъ студентовъ, пигилистами. Словечко это только что было тогда пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ въ лицѣ Базарова — героя нашумѣвшаго въ то время его романа „Отцы и дѣти“.

Какія задачи были вообще у тайнаго общества петровцевъ—я въ то время не зналъ. Потомъ уже процессъ Нечаева раскрылъ мнѣ глаза. Ивановъ сталъ имъ мѣшать. Многихъ студентовъ удерживалъ Ивановъ отъ опаснаго пути. Нечаевъ все это видѣлъ; отлично понималъ, что Ивановъ главная помѣха, что его надо устранить, и... устранилъ, а самъ бѣжалъ въ Швейцарію.

Говорятъ, что этотъ трагическій эпизодъ изъ жизни студентовъ того времени послужилъ канвою для романа „Бѣсы“ другого нашего геніальнаго психолога-романиста Ф. М. Достоевскаго.

Правительство потребовало выдачи Нечаева, какъ обыкновеннаго преступника-убійцу, Швейцарія долго отговаривалась, упирая на то, что Нечаевъ прежде всего политическій преступникъ, и совершенное имъ убійство было убійство на политической почвѣ.

Тогда кн. Урусовъ поѣхалъ въ Швейцарію и уговорилъ выдать Нечаева, при чемъ защиту его взялъ на себя. Нечаева выдали. Былъ судъ, на которомъ присутствовалъ швейцарскій консулъ; ему его правительствомъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы на судѣ политическая сторона дѣла не затрагивалась.

Я не помню рѣчи Урусова; да вѣроятноѣ всего, что полностью она едва-ли была напечатана. Нечаевъ былъ осужденъ, но и его защитникъ потерпѣлъ: административнымъ порядкомъ Урусова послали въ Финляндію, гдѣ вскорѣ ему было разрѣшено вступить на службу чиновникомъ особыхъ порученій при финляндскомъ генераль-губернаторѣ.

Недолго продолжалась ссылка князя Урусова: вскорѣ онъ пере-

шелъ на службу въ министерство юстиціи и былъ назначенъ товарищемъ прокурора Варшавскаго окружнаго суда.

Изъ блестящаго адвоката вышелъ блестящій прокуроръ. Будучи прокуроромъ, онъ и эту кафедру отмѣтилъ своимъ несравненнымъ талантомъ.

Въ газетахъ того времени, помню, мнѣ пришлось читать одно варшавское дѣло, въ которомъ въ качествѣ прокурора выступилъ А. И. Урусовъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: молодой полякъ, наборщикъ какой-то типографіи, обвинялся въ убійствѣ своего хозяина, тоже поляка. Я не помню хорошо причинъ, которыя вынудили рабочаго убить своего хозяина (кажется, онъ плохо рассчитывался съ рабочими), но, хотя прошло почти сорокъ лѣтъ, я отлично помню эффектный конецъ рѣчи прокурора Урусова:

— „Г.г. присяжные засѣдатели! вы должны сказать преступнику нѣтъ: тебѣ мѣста среди насъ, честныхъ людей; нѣтъ тебѣ мѣста подъ яснымъ небомъ твоей родины—Польши, а иди въ Сибирь, и тамъ помирись, если сможешь, съ своею совѣстью и съ Богомъ!“

Ну, конечно, бѣднику закатали.

Говорятъ, Урусовъ нажилъ большія деньги. Да и немудрено: онъ велъ крупнѣйшія дѣла, гремѣвшія тогда на всю Россію, какъ, напримѣръ, дѣло милліонера Овсянникова о поджогѣ мельницы, дѣло Маршанскихъ скопцовъ Плотицныхъ, и др.

Да и не одинъ Урусовъ свѣтилъ въ то время яркою звѣздою на судебномъ небосклонѣ: вспомните Плевако, Спасовича, Соловьева, вспомните прокуроровъ Муравьева, Громницкаго и многихъ, многихъ другихъ...

И все это были шестидесятники, о которыхъ современная умственная немочь говорить съ перекошеною улыбкой на блѣдныхъ, тонкихъ губахъ...

Помню одно удивительное дѣло, разбиравшееся въ Рязанскомъ окружномъ судѣ. Это дѣло полковника Каструбо-Карицкаго, Дмитріевой, двухъ врачей, акушерки и др. о вытравленіи плода и кражѣ 38 тысячъ.

Подсудимые сваливали вину другъ на друга; одна Дмитріева, которую защищалъ Урусовъ, откровенно покаялась въ своемъ грѣхѣ. Геніальная защита съумѣла такъ запутать дѣло, что присяжные признали и вытравленіе, и кражу, а виновныхъ не нашли—всѣхъ оправдали!

Ну, развѣ это не гипнозъ такихъ адвокатовъ, какъ Урусовъ и Плевако?

А нынѣ?...

Одинъ прокуроръ окружнаго суда мнѣ говорилъ:

— Я очень рѣдкому кандидату на судебную должность довѣрю дѣло. Я больше вѣрю тридцатирублевому чиновнику-практику, чѣмъ нынѣшнему образованному юристу: ни знаній нѣтъ у нихъ, ни желанія работать, поучиться, ни способностей, ну—ничего!.. Гонору много, а толку чуть!

Печально, если это такъ. А скорѣй всего, что такъ...

Часто посѣщаль кружокъ и выступалъ даже въ спектакляхъ въ качествѣ актера-любителя князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ, авторъ небезызвѣстнаго въ то время романа „Корнетъ Отлетаевъ“, печатавшагося въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова.

Молодой, красивый, умный, находчивый, князь Кугушевъ отличался полнотой не по лѣталъ. Не безобразной, нѣтъ; въ общемъ полнота эта нѣсколько скрадывалась его хорошимъ ростомъ, но вотъ шею у него украла уже сама природа: казалось, что голова его приставлена была прямо къ плечамъ. Такое впечатлѣніе производила его фигура.

Но это была симпатичнѣйшая личность: всегда миль, любезенъ, внимателенъ, внимателенъ даже ко мнѣ, мальчугану и мелной сошкѣ.

Великое дѣло кровь и воспитаніе.

Помню еще третьяго извѣстнѣйшаго князя-артиста, Юрія Николаевича Голицына. Голицынскіе концерты, которые онъ давалъ въ то время въ Зоологическомъ саду, и которые собирали десятки тысячъ слушателей, были извѣстны не только на всю Русь, но производили фуроръ и за границей, въ Европѣ и Америкѣ.

Капелла его была замѣчательная. Не даромъ онъ проживалъ на нее громадныя деньги и въ концѣ концовъ самъ прожился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

